

ПРИВОЗНАЯ КЕРАМИКА ДРЕВНЕГО РОСТОВА

Н. Г. Самойлович

Среди богатого керамического материала, полученного при многолетних археологических раскопках в Ростове Великом, выделяются обломки посуды иноземного производства, изучение которой позволяет проследить направление и интенсивность развития торговых и культурных связей древнего города в разные периоды его истории.

В домонгольских слоях всех городов Северо-Восточной Руси (Суздале, Владимире, Ярополче, Муроме) находят обломки амфор, свидетельствующих об оживленных торговых связях с Византией и городами Северного Причерноморья. В Ростове наибольшее количество таких находок относится к слоям XI—нач. XII вв. Обломки малы, и реконструировать форму сосудов не представляется возможным, однако по имеющимся фрагментам можно предположить, что в Ростов поступали амфоры двух основных типов, хорошо известных по раскопкам в других городах — грушевидные, округлодонные, с низким массивным горлом, небольшими ручками и глубоким рифлением по поверхности тулова (на Руси их называли корчагами) и остродонные с высоким горлом и высоко поднятыми круто изогнутыми ручками¹. Небольшой обломок амфоры с граффити найден в 1991 г. в раскопе у ц. Григория Богослова в слое середины XII в. Сохранился лишь небольшой фрагмент надписи — крупные буквы «НKL» процарапаны острым предметом по обожженной глине. Амфоры с надписями встречены при раскопках в Киеве, Смоленске, Суздале. Обычно на сосуде писалось имя владельца или название продукта, тарой для которого служила амфора. Е. А. Рыбина, исследуя торговые связи Новгорода, пришла к выводу, что амфоры поступали в город из Киева, выступавшего посредником в новгородской южной торговле². Возможно, этот вывод справедлив и для Ростова.

Вероятно, с Киевом можно связать и находки в Ростове керамики с зеленой поливой. Несколько обломков такой посуды встречено в раскопе у Часозвона в слое XI в. Поливная посуда местного производства в городах Северо-Восточной Руси широко распространяется одновременно с появлением поливных изразцов (XVI—XVII вв.). В домонгольское время производство монохромной поливной керамики зеленого, коричневого, реже желтого цвета, а также глиняных игрушек с поливой известно в Киеве, откуда она вывозилась вместе с

изделиями из стекла, шифера и другими многочисленными предметами киевского экспорта.

Есть многочисленные летописные свидетельства о тесных торговых контактах Северо-Восточной Руси с ее восточным соседом Волжской Болгарией в конце XI—XII вв. О существовании торговых отношений между ними и в более ранний период свидетельствуют находки болгарской керамики в слоях X—начала XI вв. в Белоозере, Суздале, в курганах Ярославского Поволжья (Тимерево)³. К этому списку можно добавить и Ростов. Кувшин, изготовленный в традициях салтовской культуры, найден в Кремле в раскопе у Часозвона в предматериковом слое, датированном концом X в. Более ранним временем датируется предматериковый слой в раскопе 1985 г. в Митрополичьем саду, где также были найдены 4 фрагмента болгарских сосудов. Это догородской слой с лепной мерянской керамикой, и находки в нем обломков болгарской посуды свидетельствуют о традиционности направления торговых связей Ростова со времени существования на его месте мерянского поселка. Болгарская керамика легко отличима от древнерусской и мерянской — красноглиняная, с плотным черепком хорошего обжига, часто с полосчатым лощением внешней поверхности. Большую часть ее форм составляют кувшины, и это дает основание предполагать, что сосуды попадали на Русь как тара для жидких и сыпучих продуктов. Но, вероятно, товаром могла служить и сама посуда, отличающаяся изяществом форм, прекрасным качеством и прочностью. Болгарская посуда найдена в Ростове во всех раскопах, количество ее со временем возрастает и достигает пика во 2-й половине XII в. Приток ее прекращается после монголо-татарского завоевания. Высказываются предположения, что именно болгарские гончарные традиции оказали большое влияние на развитие древнерусского гончарного ремесла, когда после разорения Волжской Болгарии монголо-татарами усилился приток болгарского населения в города Северо-Восточной Руси⁴.

Волжская Болгария не только была прямым торговым партнером Северо-Восточной Руси, но и играла посредническую роль в ее восточной торговле. По волжскому пути попадали на Русь каменные и стеклянные бусы, восточные ткани, иранская поливная посуда. Один фрагмент такой керамики найден в Ростове в раскопе у ц. Григория Богослова. Это обломок блюда из белого фаянса с росписью золотистого цвета. Роспись представляет собой геометрический орнамент в виде квадрата или прямоугольника с вписанной в него арабской

надписью. Надпись не читается из-за размера черепка. Этот фрагмент найден в перекопанном слое, поэтому датировать его точно нельзя, несомненно лишь, что он относится к домонгольскому времени. В Новгороде подобная посуда встречена в слоях XI—XII вв., и находки ее приурочены к территориям богатых боярских усадеб⁵.

О связях Ростова с поволжскими городами Золотой Орды в конце XIII—XIV вв. свидетельствуют находки золотоордынской поливной керамики. Обломки этой нарядной, богато украшенной посуды находят при раскопках почти во всех древнерусских городах, но везде в небольшом количестве. Немного ее и в Ростове, единичные фрагменты найдены в раскопах у Часозвона и у ц. Григория Богослова. К XIV в. относится найденный у Часозвона фрагмент блюда с двусторонней бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью в виде тонких пересекающихся линий. У ц. Григория Богослова в слое конца XIII—нач. XIV вв. найден обломок блюда с двусторонней бирюзовой поливой без росписи. Здесь же найден венчик чаши из розоватой песчанистой глины с белой непрозрачной поливой и надглазурной росписью синей краской в виде каймы по краю венчика и ряда арочного орнамента. Эта нарядная хрупкая посуда, конечно, не могла быть предметом массовой торговли. Она была в обиходе лишь у самых богатых и знатных горожан. Например, в Новгороде обломки такой посуды найдены в усадьбе посадников Онцифора и Юрия Онцифоровича, а целая чаша находилась в гробнице архиепископа новгородского Василия (1330—1352) в Софийском соборе⁶. Несомненно, что и ростовские находки связаны с резиденцией архиепископа и с Княжьим двором.

¹ Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 375. Рис. 160.

² Рыбин Е. А. Из истории южного импорта в Новгороде //СА, 1971, № 1. С. 263.

³ Голубева Л. А. Белоозеро и волжские болгары. //Древности Восточной Европы. МИА. М., 1969, № 169. С. 41; Седова М. В. Археологическое изучение Суздаля. //Владимирскому музею 125 лет. Владимир, 1981. С. 88; Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников //Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 49.

⁴ Полубояринова М. Д. Связи Северо-восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) //История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 187.

⁵ Медведев А. Ф. Поливная керамика из Новгорода //Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. МИА № 117, М., 1963. С. 270.

⁶ Там же. С. 274.